

«Злое перо» : Сколько беспризорников в нашей стране?

Спасибо Родине за наше счастливое детство. Сколько беспризорников в нашей стране? И почему иностранцы любят наших детей больше чем мы? Об этом «Злое Перо» с Валентиной Кочетковой (директор ОБФ «Светлый путь») и Кулипой Мусуралиевой (ст. инспектор УОБ МВД КР).

Саму передачу «Злое перо» можно увидеть каждый вторник в 20.10 на канале НТС сразу после выпуска новостей и в понедельник в 20.00 на AStv. Печатная версия – в газетах «МСН», «Агым», а также Интернет-версия на сайте AKIpress.

Вячеслав Гончаров: Раньше беспризорных детей среди кыргызов практически не было. В кыргызском традиционном институте семьи это был негласный закон: детей не бросали, а сирот воспитывали родственники. Почему сегодня это не работает?

Кулипа Мусуралиева: На форуме Дастан Исламович [Сарыгулов] тоже говорил, что после войны детей не бросали. И столько беспризорных детей не было. Может быть на сегодняшний день тем семьям, которые могут забрать ребенка, тоже тяжело.

Вячеслав Гончаров: Ну я не думаю, что у нас сейчас положение гораздо тяжелее чем в 44 или 45 году.

Кулипа Мусуралиева: Разговора нет. Условия есть. Но не во всех семьях, которые нормально живут. Вот неблагополучная семья, это семья, где взрослые остались без рабочих мест.

Вячеслав Гончаров: А вам не кажется, что просто поменялся менталитет?

Кулипа Мусуралиева: Потом поменялся еще и менталитет. После тех тяжелых послевоенных лет он очень поменялся. Потому что,

что люди начали делить общество на бедных и богатых. Возьмем к примеру пятерых родственников. Двое ничего не имеют. И от них богатые отворачиваются. И это на сегодняшний день есть.

Валентина Кочеткова: Нам не нужно отказываться от системы интернатов, нужно искать опыт в недавнем прошлом. Ведь раньше интернаты строились в основном для детей чабанов. Т.е. отец с матерью работают в горах, а ребенка отправляли учиться в интернат. Интернаты были прикреплены к колхозам. К примеру, Панфиловский детский дом был прикреплен к нескольким колхозам – один месяц кормит один колхоз, второй месяц – второй колхоз и т.д. Мой отец был председателем колхоза, и рабочий день у него начинался со звонка, на пекарню, потом на ферму: «Молоко в детдом завезли? Хлеб завезли?! Вы мне смотрите, чтобы дети не остались голодными!». Его колхозники работают в горах на государство, и чтобы их дети остались голодными, раздетыми?! Боже упаси. Это была программа. А сейчас ЮНИСЕФ требует: вот давайте семьи (семейные дома – авт.), а где же их взять? А какая программа была раньше в детдоме – ребенок учился, шел вне конкурса в институт, колхоз оплачивал стипендию и этот специалист возвращался, потом и отработывал 2-3 года. Хочешь не хочешь – тебя вырастили, выучили, будь добр отдай долг родному краю.

Вячеслав Гончаров: В Кыргызстане существует очень много громоздких, но раздробленных институтов, призванных заниматься вопросами здоровья и социальной безопасности детей. На ваш взгляд, какова их эффективность?

Кулипа Мусуралиева: Конечно таких институтов очень много. В 2001 году постановлением правительства выдвинута государственная программа Новое поколение, рассчитанную на 10 лет. Но я думаю, чтобы эту программу выполнить. Нужно было туда дать подпитку. Расходы должны быть какие-то. Потому что денег на нее не дали.

Валентина Кочеткова: Нам бы объединиться вместе и работать по одной программе. А на сегодняшний день, вот у меня есть донор,

я работаю на его деньги, докладываю ему о положении детей в республике. Я считаю, этого не нужно делать – если он как донор хочет помочь, пусть помогает, но, чтобы они собирали и отправляли всю эту статистику за границу, я категорически не хочу.

Динара Суймалиева: А какие вопросы вас больше всего раздражают?

Валентина Кочеткова: Меня раздражают вопросы такого рода: вот, сколько детей на улице? Почему плохо стало? А в прошлом году было лучше или хуже? Я иногда думаю, что чем хуже – им от этого бальзам на сердце.

Вячеслав Гончаров: Как вы относитесь к международной и иностранной помощи в решении проблемы беспризорных детей?

Кулипа Мусуралиева: Мы с ними очень тесно сотрудничаем и они оказывают нам очень большую помощь, но опять, многие НПО говорят, что во многом виновата милиция, что она нарушает законы. Вот у нас есть центры, дети прибегают сюда, и они жалуются. С одной стороны я хочу сказать, сегодня у НПО финансирование есть – они будут работать. Как они это делают. Они открывают ночлег, днем дети школу не посещают, находятся там же на базарах и занимаются, чем только хотят. Вечером приходят их кормят. Там питание горячее. Но остальной работы нет. Нужно чтобы ребенок и в школу ходил.

Динара Суймалиева: А дети хотят жить в приютах или убегают?

Валентина Кочеткова: Ну вы знаете, у меня дети живут и по два года, и по шесть лет. Я приняла ребенка, он проходит у меня здесь, по нескольким программам. Пока по медицинской программе идет адаптация ребенка, он мне наврет целую кучу – что мама умерла, папа погиб – я вижу, что врет, ну и ладно. Главное, что он в тепле спит, что он сегодня поел. Мы чесотку, педикулез вывели – уже хорошо. За десять дней медицинского обследования, ребенок увидел, что ему хотят помочь, у нас нет дубинок и злых людей. Он сам раскроется и расскажет всю свою

беду. Идем мы в семью, говорим с родителями: «Что же вы делаете? Давайте вместе решать проблему, иначе я вас привлеку к ответственности». Бывает, что возвращаем ребенка в семью.

Динара Суймалиева: А потом есть ли какой-либо контроль за такой семьей?

Валентина Кочеткова: Вы знаете, практически не получается – два три месяца как-то отслеживаем. А потом другие дети, другие проблемы – работа захлестывает, и времени на того ребенка не остается.

Кулипа Мусуралиева: Мы не должны на них упираться, наше государство тоже ведь должно как-то работать. Это наши же дети!

Динара Суймалиева: А что касается госструктур. Работают они сегодня или нет, есть ли какая-то общая программа.

Валентина Кочеткова: Работают. У нас открылся в Джале новый приют для бездомных детей, в Первомайском районе открылся приют – это говорит о том, что государство уже повернулось лицом к детям.

Вячеслав Гончаров: Многие воспринимают нашу родную милицию как орган, который вместо того, чтобы охранять права детей, первая же их нарушает.

Кулипа Мусуралиева: Да, даже сами дети говорят, что нарушаются их права со стороны правоохранительных органов, отбирание денег избиение, пытки. Но по каждому факту мы должны разбираться. Когда мы проводим профилактические рейды, под кодовым названием «беспризорник», они видят форму и разбегаются кто куда. Может быть, где-то были неправильные действия со стороны правоохранительных органов. Поэтому при подборе сотрудников мы должны быть очень внимательными. Они все должны быть юристами и любящими детей.

Динара Суймалиева: Есть еще такая позиция в решении этой

проблемы, как например, у ЮНИСЕФ. Они не поддерживают проекты, которые занимаются размножением приютов, детдомов и т.д. Они считают, что это приучает общество к иждивенчеству, что когда есть детдома, неблагополучные семьи с легкостью выкидывают своих детей на попечение этих приютов.

Валентина Кочеткова: Ну, мы еще не готовы к домам семейного типа. Это нужно вначале поработать с обществом и чтобы семьи принимали чужих детей, им нужно платить за содержание.

Динара Суймалиева: Нет, я имею в виду иждивенчество самих неблагополучных семей.

Валентина Кочеткова: Ну, опять-таки, я не согласна. Во-первых, не все семьи такие уж плохие. Почему они такими стали? Ведь раньше у нас на улице не было детей. Вот здесь нужно нашему правительству позаботиться о том, чтобы было как можно больше рабочих мест. Почему в семье отец пьет? Да потому что он идет на «Молодую Гвардию», стоит весь день и ждет работы. А его сегодня не наняли, он сегодня не востребован – ему стыдно возвращаться домой, где сидят голодные дети. Он зашел в первый «комок», выпил для смелости, чтобы прийти, завалиться спать и не видеть голодные лица детей.

Вячеслав Гончаров: Есть мнение, что гораздо «успешнее», чем государство, беспризорными детьми занимаются представители криминального мира, которые никого не оставляют на улице без, в прямом смысле контроля.

Кулипа Мусуралиева: Конечно попадают такие дети под влияние взрослых. Со стороны криминальных структур. Сейчас пока это не прогрессирует. Знаете, в 99 году у нас были такие группировки, по Бишкеку около 10 группировок. Сейчас такого нет. Может быть они сейчас где-то засели, но постепенно все они выявляются. Нам здесь большую помощь оказывает ГУУР. Потому что они больше информированы.

Вячеслав Гончаров: В этом году милиция зафиксировала снижение детской преступности на 20%. Вы верите этим показателям?

Кулипа Мусуралиева: Цифры естественно направляет каждая область. Но почему бы и нет. Я в это верю. С одной стороны в Бишкеке рост идет, увеличилась на 18%, а по республике у нас идет снижение. Возможно и расхождение цифр, но мы делаем все возможное, чтобы фиксировать каждый факт.

Валентина Кочеткова: Это касается больше детей 13-15 лет. Если маленький ребенок может попрошайничать – ему дают и хлеб, и деньги. А голодному 13-летнему ребенку чаще всего отказывают, считая, что он и сам может зарабатывать. А где работать? Даже взрослому человеку трудно сейчас найти работу. Все – ребенок голодный, сама жизнь заставляет его идти на преступления, и не потому что он плохой, просто он хочет есть.

Динара Суймалиева: А тем детям, которым все же подают милостыню – она остается у них или ее отбирают?

Валентина Кочеткова: Обязательно он платит. Дети ночуют в люках, за которые тоже нужно платить. И ребенок уже с утра знает, что ему нужно заработать 20 сомов на ночлежку. И только потом он уже думает о еде. Таким образом он целый день рысачит по городу в поисках средств на выживание.

Динара Суймалиева: Это в основном приезжие дети, или городские?

Валентина Кочеткова: Очень много приезжих, очень много. Есть и городские, но они в основном живут дома. Семья алкоголиков утром выгоняет ребенка на улицу: «Принеси хлеб-масло и бутылку водки». Ребенок заработал, приходит домой, а там шумная компания: мама напилась и свалилась спать, а чужой дядя посягает на честь ребенка. Ребенку обидно – он работал весь день, чтобы что-то домой принести, он думал о своей семье, а дома. Все, он уходит из дома, и уходит надолго.

Вячеслав Гончаров: По данным МВД Кыргызской Республики за последний год ни один родитель не привлекался к уголовной ответственности по факту жестокого обращения с ребенком почему? У нас этих преступлений нет?

Кулипа Мусуралиева: За год не было. Но бывает. Я вам хочу сказать о менталитете нашего народа. Родители допускают насилие в семье, домашнее насилие. Но ребенок не пойдет же жаловаться. Скажет вот меня родители побили. Это воспринимается как должное.

Вячеслав Гончаров: Но ведь многие это видят

Кулипа Мусуралиева: Да видят, квартальный комитет, соседи и т.д., но они тоже ведь не идут. Возможно боятся. Скажут какое твоё дело я со своим ребенком, что хочу, то и делаю. Но это не правильно. Раз вы ребенка родили, то давайте, ребенок должен в школу ходить, ребенку нужно создать все условия родители.

Динара Суймалиева: Почему не привлекаются к ответственности родители дети которых занимаются бродяжничеством? У нас нет такой статьи?

Валентина Кочеткова: Есть у нас положения об обязательствах родителей, но как-то мы все гуманно пытаемся решить, надеемся, что родители одумаются и т.д. Работа ведется. Мы принимаем ребенка, ведем его в семью, работаем с родителями и все это с ведома соответствующих органов – я ведь шагу не могу сделать без инспектора по делам несовершеннолетних. Так что там работа ведется, но может действительно нужно быть строже с родителями.

Вячеслав Гончаров: Но ведь они должны же нести какую-то ответственность?

Кулипа Мусуралиева: Да должны, но в уголовном кодексе у нас нет такой статьи. В административном кодексе у нас есть такая статья. Но это в основном дело связано со штрафами. А если такие родители пьют и совершенно не занимаются детьми, что с них брать? Только ставить на учет.

Динара Суймалиева: А вы считаете, нужно вводить статью об уголовной ответственности родителей, дети которых занимаются бродяжничеством?

Валентина Кочеткова: Обязательно. Коль они принимают решение завести ребенка.

Динара Суймалиева: А вы думаете они принимают такое решение?

Валентина Кочеткова: Зачастую, конечно, нет. Но раз мать родила, будь добра, ответь за свои поступки и жизнь ребенка.

Кулипа Мусуралиева: Это большая трагедия сегодняшнего дня. Озвучено что 20 тыс. беспризорных детей. С какой статистики Дастан Исламович взял такую цифру я не знаю. На сегодняшний день у нас такой статистики нет. Может быть их больше, а может быть и меньше. Потому что наше министерство ведет свой учет.

Динара Суймалиева: А многие родители забирают своих детей?

Валентина Кочеткова: Забирают. Когда мама очнется от пьянки, прибегает, слезы льет: все, больше этого не будет, я пойду работать. Месяц-два и ребенок вновь оказывается на улице. Вот тогда мы уже по-другому с ними говорим, ищем родственников, или назначаем опекунов со стороны, и крайняя инстанция – детский дом.

Динара Суймалиева: А смертность среди детей-беспризорников большая?

Валентина Кочеткова: Был случай, когда ребенок сгорел на улице и меня вызвали прямо в Новый год на опознание. Конечно есть, а как же. Тут и пневмония, вот начнутся морозы – и дети будут мерзнуть.

www.akipress.kg